

№ 1 (171)
январь

2011

С РОЖДЕСТВОМ
ХРИСТОВЫМ!

АЛЕКСАНДРО-НЕВСКИЙ ВЕСТНИК

РОЖДЕСТВЕНСКОЕ ПОСЛАНИЕ

Святейшего КИРИЛЛА,
Патриарха Московского и всея Руси

Преосвященные архипастыри, досточтимые отцы, всесестные иноки и инокини, дорогие братья и сестры!

В нынешнюю светозарную ночь мы вновь духовно переживаем радость обретения миром своего Спасителя. Вновь мысленно зрим Сына Бога Живого, лежащего в яслях Вифлеемского вертепа. Вновь слышим в сердцах своих ангельский глас, воспевающий хвалу Творцу и Искупителю: «Слава в вышних Богу, и на земли мир, в человецех благоволение» (Лк. 2, 14).

Внимая славословию небесных сил, мы осознаём, что Рождество Христово исполнено вневременного значения и имеет прямое отношение к судьбе каждого человека. Даже тот, кто пока ещё ничего не знает о подвиге Спасителя, может теперь обрести познание Истины, стать чадом Божиим и наследовать жизнь вечную. Рождество Христово открывает нам правду о нас самих и делает возможным эту правду понять и усвоить.

Вспомним, что первый человек был создан Творцом совершенным, по образу и подобию Божию (см.: Быт. 1, 26). Но Адам, преступив заповедь, исказил замысел Создателя о себе. Лишившись живого общения с Богом, человечество всё больше и больше погружалось в бездну греха и гордыни. И тогда Господь, любя своё творение и желая ему спасения, посылает в мир Единородного Сына, Который восстановил целостность человеческой природы и стал Новым Адамом. Христос показал нам пример жизни, сообразной Божественному замыслу о человеке. Этот пример есть надёжный ориентир, который помогает нам не сбиться с пути и обрести единственно верное направление, приводящее к полноте жизни и в условиях земного бытия, и в вечности.

Мы идём по этому спасительному пути, когда откликаемся на Божии призывы. Один из таких обращённых к нам призывов содержится в послании апостола Павла: «Прославляйте Бога и в телах ваших и в душах ваших, которые суть Божии» (1 Кор. 6, 20). Это значит, что мы возносим хвалу Богу не только молитвами и песнопениями, но и добрыми делами во благо ближнего, во благо своего народа, во благо Церкви.

Такой труд становится радостным трудом во имя Христово, он реально преобразует окружающий мир и нас самих. Люди достигают сплочённости, работая не по принуждению и не ради пользы, а движимые искренним желанием сотворить дело доброе и полезное. Тем самым мы совместно служим Созда-

телю, претворяя в жизнь Его волю. Греческое слово «литургия» переводится как «общее дело».

Вся наша жизнь должна стать Литургией, общей молитвой и общим делом, совершаемым для того, чтобы воплотить в жизнь Божий замысел о мире и о человеке и тем самым воздать славу и хвалу Творцу. Это требует от нас солидарности с братьями и сестрами по вере и даже с теми, кто еще не обрёл в сердце своём Господа, но, подобно евангельским волхвам, находится на пути к Нему.

Важность объединения усилий для преодоления скорбей и несчастий показали нам пожары, засухи и наводнения минувшего года в России и в некоторых других странах исторической Руси. Они ещё раз напомнили нам о христианском долге помощи ближним - без различия убеждений, национальности, социального положения. В горячие летние месяцы многие люди щедро делились своими силами, временем и достоянием с теми, кого они даже не знали и которых вряд ли когда-либо увидят. Во имя чего они это делали? Во имя сострадания тем, кому плохо, кто терпит лишения и кому нужна помощь.

Общественная солидарность, совместные труды ради достижения общих целей невозможны без преодоления эгоизма, без понуждения себя к добру, без отказа от обращённости исключительно к своим нуждам и интересам. В основании подлинного «единства духа» (Еф. 4, 3) лежит закон любви, завещанный нам Спасителем. Единение народа не может быть ограничено лишь минутами испытаний. Оно должно стать неотъемлемой частью нашего национального самосознания и жизни.

Сила церковного единства явственно ощущалась мной во время многочисленных поездок по епархиям России, Украины, Казахстана, Азербайджана. Всюду я видел готовность архипастырей, клира, монашествующих и мирян трудиться на благо Православия, совершенствовать приходскую, монастырскую и епархиальную деятельность. Это вселяет надежду на успешное развитие церковной жизни в духе единения и сотрудничества.

От сердца, исполненного радости, поздравляю вас, Преосвященные архипастыри, досточтимые клирики, насельники обителей, братья и сестры, с великим и спасительным праздником Рождества Христова и Новолетием. Молитвенно желаю всем вам быть ревностными исполнителями воли Божией, приносящими духовные дары рождаемому ныне Спасителю мира, дабы имя Его прославлялось всегда, ныне, и присно, и во веки веков. Аминь.

**ПАТРИАРХ МОСКОВСКИЙ
И ВСЕЯ РУСИ**

Рождество Христово 2010/2011 г. Москва

РОЖДЕСТВЕНСКОЕ ПОСЛАНИЕ

Преосвященнейшего МАКСИМА,
епископа Барнаульского и Алтайского

Возлюбленные во Христе дорогие отцы, честные иноки и инокини, боголюбивые миряне! Братья и сестры!

Сердечно поздравляю Вас с радостным праздником Рождества Христова и наступающим Новолетием милости и благодати Господней! Сорадуясь со всеми вами о рождении в мир Богомладенца Христа Спасителя, и припадая к Вифлеемским яслям, молитвенно желаю вам и вашим ближним мира, добра, благоденствия, духовной крепости и обильной помощи Божией в трудах и молитвах!

Возлюбленные! Вновь мы духовно предстоим убогой пещере, послужившей пристанищем Богомладенцу и Его Пречистой Матери. И если бы наши очи не были помрачены грехом, мы видели бы себя среди пастырей, спешащих поклониться Богомладенцу, мы слышали бы ныне и ангельский хор, возвещавший славу «в вышних Богу, и на земле мир, и в человеках благоволение» (Лк. 2, 14). И мы были бы свидетелями тому, как просвещенные благодатным светом Вифлеемской звезды языческие мудрецы-волхвы, «открыв сокровища свои, принесли родившемуся Христу дары — золото, ладан и смирну» (Мф. 2, 11).

До дня Рождества Господа Иисуса Христа в течение долгих столетий многие поколения ветхозаветного человечества ожидали этого события. Сам Христос свидетельствовал: «Авраам... рад был увидеть день Мой (Ин. 8, 56)... В лице Авраама Господь говорит о всех праведниках Ветхого Завета. Эти многовековые ожидания Спасителя в искаженном грехом мире были исполнены страдания, горя, войн, болезней, несправедливости и отчаяния.

Среди ветхозаветных праведников Священное Писание особо говорит о праведном Иове, который за 2000 лет до рождения Христова пророчествовал о грядущем спасении, когда явится в мир Спаситель, и тогда мир, наконец, вновь станет миром радости и справедливости: «А я знаю, Искупитель мой жив, и Он в последний день восставит из праха распадающуюся кожу мою сию» (Иов 19, 25).

До этого прозрения святой праведный Иов претерпевал многократные тяжкие искушения от врага рода человеческого — дьявола. Не имея ведения о настоящей причине своих страданий, Иов недоумевал, откуда в мире зло, и почему он, праведник, претерпевает невыносимые муки, лишения и невзгоды?

Желая знать истину, Иов требовал суда с Богом. И

теперь, спустя две тысячи лет после Рождества Христова, непросвещенный Истиной человек вновь и вновь желает судиться с Богом. «Если я не прав, то пусть Бог осудит меня», — думает он. И если такой человек

действительно ищет высшей справедливости и истины, то, как когда-то Иову, Бог явится к нему на суд. Но неожиданно отчаявшийся и бунтовавший человек узрит пред собой не грозного властелина и самовластного тирана, а духовно предстанет бедным яслям Богомладенца Христа. Кто униженней Младенца? Кто слабее? Кто более нуждается в попечении? И сокрушенным сердцем человек понимает, что Бог не судит его, но это он судил Бога, и судил несправедливо, как когда-то лицемерные друзья Иова.

Возлюбленные братья и сестры! Непостижимо, но Творец мира, Царь и Спаситель является нам в образе Нищего Младенца, Который еще до рождения был отвергнут миром. Ибо в гостинице для Него и Его Пречистой Матери не нашлось места. Не было места в отечестве, и от преследования Ирода Святое семейство вынуждено бежать в Египет. Спасителю нет места в Его Храме, нет места в сонмище иудейском. Нет места среди жителей селений, в которых он совершает чудеса. И Он Сам свидетельствует о Себе: «Лисы имеют норы, и птицы небесные гнезда, а Сын Человеческий не имеет, где приклонить голову» (Мф. 8:20). И, наконец, Ему не оказывается

места среди живущих на этой земле...

Отметим, что это гонение на Спасителя совершается, якобы, во имя великой цели. Во имя закона, во имя порядка и справедливости. Бога гонит, а затем и убивает не мир мытарей и блудниц, сознающих свою собственную греховность и недостойность, но мир народных старейшин, мир фарисеев и саддукеев, тот мир, что взывал к Богу о торжестве закона, о наказании, и даже, возможно, полном искоренении грешников.

Возлюбленные о Христе братья и сестры! Сколь бы не был помрачен в человеке образ Божий, родившийся

Спаситель не спешит со Своим праведным судом и воздаянием. Не потому, что оставил и забыл мир. Но он долготерпит нам ради того, чтобы каждый покаялся, призвал Его Святое Имя, обрел веру и жизнь вечную. «Ибо не пошла Бог Сына Своего в мир, чтобы судить мир, но чтобы мир спасен был через Него» (Ин. 3,17)

Поэтому не будем испытывать дни и сроки Страшного Суда Божия — ибо это испытание милости и долготерпения Божия. Не станем уничтожать наших ближних. Простим ради рожденного в мир нашего Спасителя обидчиков наших, недругов и даже врагов. Только вследствие нашего глубочайшего невежества мы желаем Божьего осуждения и вечных мук нашим обидчикам. Святой преподобный Силуан Афонский вразумляет нас такими словами: «Но спрошу тебя: — если Бог даст тебе хорошее место в раю, но ты будешь видеть в огне того, кому ты желал огня мучений, неужели и тогда тебе не будет жалко его, кто бы он ни был, хотя бы враг Церкви? Или у тебя сердце железное? Но в раю железо не нужно. Там нужны смирение и любовь Христова, которой всех жалко».

Дорогие отцы, братья и сестры! Говоря о мире горнем, о Царстве Небесном, о тайне нашего спасения, мы как христиане не должны пренебрегать и миром дольным, земным. Помнить, что на Небесах Церковь торжествующая. А в этом мире Церковь воинствующая. И каждый христианин призван быть воином Христовым, ратующим со грехом. Мы должны свидетельствовать миру о Рожденном Богомладенце Христе не только словами, но и делами веры и благочестия, ибо вера наша без дел по слову Апостола «мертва есть».

Наше первое и главное дело — молитва. Ничто не заменит христианину главной молитвы — Божественной литургии, что совершается в наших храмах. Еще несколько лет назад

трудно было представить, что храмы будут открыты и наполнены верующими. Что наши дети будут беспрепятственно славить Родившегося Христа. Мы с радостью видим, что продолжают открываться новые храмы, что растет не только количественный состав, но и образовательный уровень духовенства. Мы можем заметить, что возрастает авторитет пастырства, в том числе и на сельских приходах. С глубокой архипастырской радостью отмечаю, что все больше мы получаем от прихожан благодарностей и добрых слов в адрес своих пастырей. И эти благие плоды во многом связаны с трудами нашей Барнаульской духовной семинарии. Здесь обучаются и будущие пастыри, и совершенствуются те, кто уже имеет духовный сан.

Но дело попечения о душах — это не только заботы духовенства. Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл обращает наше внимание на то, что благочестивые миряне, особенно молодежь, должны активнее принимать участие в приходской жизни.

В минувший год и в нашей епархии было положено основание делу создания катехизаторского служения на приходах. При Барнаульской духовной семинарии открыта школа катехизаторов, отделения которой имеются во всех благочиниях. Совершенствованию и упорядочению богослужения послужили семинары псаломщиков и певчих приходских храмов, которые силами преподавателей Регентской школы при Барнаульской духовной семинарии также впервые прошли во всех благочиниях нашей епархии.

Мы становимся свидетелями того, как пассивность и нерешительность, порожденные десятилетиями гонений, постепенно проходят. Отрадно, что этот процесс коснулся и нашей православной интеллигенции. В уходящем году в нашей епархии организованы сообщества православных врачей и педагогов. Активно работает родительская общественность, оказывая общественную поддержку введению предмета Основы православной культуры в общеобразовательных школах. Православное сестричество продолжает свое служение по духовному окормлению и социальному служению в больницах и домах престарелых. Ширится движение православной молодежи. Расширяется круг участников столь любимых нашим народом крестных ходов.

Нужно и в наступающем новом году, не угашая молитвенного духа, с кротостью свидетельствовать ближним об этой открывающейся благой возможности деятельно послужить Богу и людям.

В эти Святые дни поспешим и к людям, еще не обретшим веру в Родившегося в мир Спасителя. Позаботимся о нуждающихся и скорбящих. Прежде всего, наше доброе внимание необходимо детям. Вспомним и о пожилых людях, совершивших военные и трудовые подвиги ради нашего сегодняшнего благополучия.

Дорогие о Христе братья и сестры! Еще и еще раз поздравляю вас с великим, миротворческим праздником Рождества Христова и наступающим Новолетием! Благоволение Божие, возвещенное в Вифлееме Ангелами, да сопутствует в жизни каждому из вас, помогая преодолевать трудности и невзгоды. По слову апостольскому, «милость вам и мир и любовь да умножатся» (Иуд.1,2). Аминь.

**МАКСИМ, ЕПИСКОП
БАРНАУЛЬСКИЙ И АЛТАЙСКИЙ**
Рождество Христово 2010/2011г., г.Барнаул

Рсю нашу жизнь рядом с нами великая святыня — святая вода (по-гречески «агиасма» — «святыня»).

Освященная вода есть образ благодати Божией: она очищает верующих людей от духовных скверн, освящает и укрепляет их к подвигу спасения в Боге.

Мы впервые окунаемся в нее в Крещении, когда при принятии этого таинства трижды бываем погружаемы в купель, наполненную святой водой. Святая вода в таинстве Крещения омывает греховные нечистоты человека, обновляет и возрождает его в новую жизнь во Христе.

Святая вода обязательно присутствует при освящении храмов и всех предметов, употребляющихся в богослужении, при освящении жилых домов, построек, любого бытового предмета. Нас окропляют святой водой на крестных ходах, при молебнах.

В день Богоявления каждый православный христианин несет домой сосуд со святой водой, бережно хранит ее как величайшую святыню, с молитвой причащаясь святой водой в болезнях и всякой немощи.

«Освященная вода, — как писал святитель Димитрий Херсонский, — имеет силы к освящению душ и телес всех, пользующихся ею». Она, приемлемая с верой и молитвой, врачует наши телесные болезни. Преподобный Серафим Саровский после исповеди паломников всегда давал им вкушать из чаши святой богоявленской воды.

Преподобный Амвросий Оптинский смертельно больному послал бутылку со святой водой — и неизлечимая болезнь к изумлению врачей отошла.

Чин водоосвящения, который совершается в праздник Богоявления, называется великим по особенной торжественности обряда, проникнутого воспоминанием Крещения Господня, в котором Церковь видит не только таинственное омовение грехов, но и действительное освящение самого естества воды через погружение в нее Бога по плоти.

Великое водоосвящение совершается дважды — в самый день Богоявления, а также накануне, в навечерие Богоявления (Крещенский сочельник). Некоторые верующие ошибочно полагают, что вода, освященная в эти дни, различна. Но на самом деле в сочельник и

в самый день праздника Крещения при освящении воды употребляется один чин.

Еще святитель Иоанн Златоуст говорил, что святая богоявленская вода в продолжение многих лет остается нетленной, бывает свежа, чиста и приятна, как будто бы сию только минуту была почерпнута из живого источника. Вот чудо благодати Божией, которое и сейчас видит каждый!

По верованию Церкви, агиасма — не простая вода духовной значимости, но новое бытие, духовно-телесное бытие, взаимосвязанность Неба и земли, благодати и вещества, и притом весьма тесное.

Вот почему великая агиасма по канонам церковным рассматривается как своего рода низшая степень Святого Причащения: в тех случаях, когда по соделанным грехам на члена Церкви накладывается епитимия и запрет приступать к Святым Телу и Крови Христовым, делается обычная канонам оговорка: «Точию агиасму да пьет».

Крещенская вода — это святыня, которая должна быть в каждом доме православного христианина. Ее бережно хранят в святом углу возле икон.

Кроме крещенской воды православные христиане часто используют воду, освященную на молебнах (малое водоосвящение), совершаемых в течение всего года. Обязательно малое водоосвящение совершается Церковью в день Происхождения

(изнесения) Честных древ Животворящего Креста Господня и в день Преполовения, когда вспоминаются полные глубочайшей тайны слова Спасителя, сказанные Им самарянской женщине: «а кто будет пить воду, которую Я дам ему, тот не будет жаждать вовек; но вода, которую Я дам ему, сделается в нем источником воды, текущей в жизнь вечную» (Ин. 4:14).

Святую крещенскую воду принято употреблять натошак вместе с просфорой после утреннего молитвенного правила с особым благоговением как святыню. «Когда человек употребляет просфору и святую воду, — говорил затворник Георгий Задонский, — тогда не приближается к нему нечистый дух, душа и тело освящаются, мысли озаряются на угождение Богу, и человек бывает склонен к посту, молитве и ко всякой добродетели».

О СВЯТОЙ ВОДЕ

Бегство в Египет

Когда же отошли (волхвы), — се, Ангел Господень является во сне Иосифу и говорит: встань, возьми Младенца и Матерь Его и беги в Египет, и будь там, доколе не скажу тебе, ибо Ирод хочет искать Младенца, чтобы погубить Его. Он встал, взял Младенца и Матерь Его ночью и пошел в Египет, и там был до смерти Ирода, да сбудется реченное Господом через пророка, который говорит: из Египта воззвал Я Сына Моего.

(Евангелие от Матфея)

Как пишет Иосиф Флавий, главной страстью Ирода было тщеславие. Закон и Пророки не оставили ему шансов на законный престол — он не был потомком Давида, да и вообще не был иудеем. Он взял власть силой римского оружия, и, унижаясь перед Августом, мечтал добиться рабского поклонения от иудеев. Он строил дороги, возводил мощные крепости и великолепные дворцы. Он превратил Иерусалим в красивейший и цветущий город, а Иерусалимский Храм — в чудо света. Цезарь посылал сюда дары, а его консулы почитали за честь помолиться в специально отведенном для язычников приделе.

Ирод укреплял и расширял границы, почти победил преступность и голод. В неурожайные годы бедным раздавали хлеб и снижали цены. Но народ упорно продолжал ненавидеть узурпатора, и только льстецы называли его великим. В ответ он всех подозревал и убивал всех, кто стоял у него на пути — жену, тещу, сына — и жил в постоянном страхе и ожидании заговора.

Поняв, что волхвы не вернуться к нему, и он не сможет тайно узнать, кто из Вифлеемских младенцев — будущий Иудейский Царь, он приказал убить всех детей этого города и его окрестностей в возрасте «от двух лет и ниже, по времени, которое выведал от волхвов». По преданию, их было четырнадцать тысяч.

Хорошо понимая, какая нависла угроза над ними, Иосиф покинул Вифлеем, не дожидаясь рассвета. Для Матери и Младенца дорога была крайне опасной, но он был уверен, что Господь не оставит Их.

Египет был ближайшей провинцией Рима, где Святое Семейство могло чувствовать себя относительно спокойно. Туда не простиралась власть Ирода, и была огромная иудейская община, которая еще со времен Александра Македонского пользовалась большими свободами и уважением властей. Здесь впервые была переведена на греческий язык Библия и здесь же появились первые иудеи, обращенные из язычников. Но, была и еще одна причина, по которой Христос должен был оказаться именно в Египте. Для апостола Матфея, который при каждой возможности стремится подчеркнуть глубокую осмысленность и продуманность человеческой истории, она — главная. «Когда Израиль был юн, Я любил его и из Египта вызвал Сына Моего», — вспоминает апостол слова из книги пророка Осии.

Пророк Осия, живший семь с половиной веков до новой эры, первым заговорил о грядущем Кресте. На его глазах люди, которым Господь Сам дал веру, снова превращались в язычников. Бог тяжело страдает от этого, но терпеливо ждет их свободного возвращения и лишь наводит на мысли о покаянии: «Я милости хочу, а не жертвы, — говорит Господь, — и Богопознания больше, чем всеожжений». Осия говорит о бесконечной Божией Любви — Она вывела народ из Египта. И пророк видит, как Она снова идет туда, на этот раз Сама, чтобы спасти уже все человечество.

По страницам портала
Неофит.ру

Сюжет Бегства в Египет в живописи

ЦЕРКОВНОЕ ИСКУССТВО

«Прежде всего мы должны понять, — писал Иоганн Вольфганг Гёте в статье «Античное и современное», — сколь значителен сам сюжет, рассказ о том, как многообещающий младенец, потомок древнего царского рода, — кому предназначено в будущем оказать громадное воздействие на весь мир, ибо оно приведет к тому, что старое будет разрушено и обновленное восторжествует, — как этот мальчик в объятиях преданнейшей матери и под охраной заботливейшего старца бежит и с Божией помощью спасается. Различные эпизоды этого важного события изображались уже сотни раз, и

многие художественные произведения, возникшие на эту тему, приводят нас нередко в восхищение».

В этой «трехчастной» истории: бегство Святого семейства в Египет, избиение младенцев, возвращение из Египта — только ее крайние эпизоды в интерпретациях художников имеют основание в Священном писании. Поскольку рассказ Матфея очень краток, художники искали подробности в других — апокрифических — источниках. Из них черпались сведения о таких эпизодах путешествия Святого семейства, как встреча разбойников на дороге, когда один из них, признав в необычайной красоты младенце Спасителя, уберег Святое семейство от нападения (по традиции считается, что это тот самый разбойник, который был распят на кресте рядом с Христом и перед смертью раскаялся); отсюда взят и рассказ о дереве, склонившем свои ветви, дабы укрыть от зноя Святое семейство, и об изваяниях языческих богов (идолов), которые пали, когда явился Христос. Но, как отмечают богословы, богатство фантастических подробностей, имеющих в апокрифах, «стоит в резкой противоположности с правдивою простотою евангельского повествования» (Ф.Фаррар).

Сюжет бегства в Египет, хотя и был давно известен, в западную иконографию проник сравнительно поздно. Здесь он изображался с легендарными подробностями, заимствованными из апокрифов. Бегство в Египет и последующее возвращение оттуда — осуществление пророчества Осии. В Египте Иисус вторично являет себя язычникам — первый раз это было явление волхвам.

Главные персонажи сюжета «Бегство в Египет» — Дева Мария, едущая на осле, младенец, которого она держит на руках, и Иосиф, как правило, ведущий осла. Обычно процессия на картине движется — это следует подчеркнуть — слева направо.

Такой способ изображения бегства Святого семейства в Египет, основанный на евангельском рассказе, остается постоянным на протяжении всей истории западноевропейской живописи. Однако могли вноситься различные дополнительные детали, заимствованные из

апокрифов. Иногда изображается юноша, идущий, как правило, позади. Считается, что это Иаков Меньший, старший сын Иосифа, названный впоследствии «братом Господним». Часто в сцене присутствует также одна женщина. Согласно преданиям это Саломея, повивальная бабка. В более поздней итальянской живописи, мужские фигуры в этой сцене исчезают, их заменяют две служанки. В живописи художников, живших к северу от Альп, вообще не принято было изображать кого бы то ни было из сопровождавших Святое семейство в этом путешествии.

Иногда встречается изображение нескольких женщин; одна из них может держать пальмовые ветви. В благочестивых преданиях говорится, что спасающемуся бегством, находящемуся в бедственном положении Святому семейству дала свои плоды склонившаяся к ним пальма. Пальмовая ветвь первоначально была символом воинской победы. В Риме было принято нести пальмовые ветви в триумфальных процессиях. Ранняя церковь приняла пальмовую ветвь в качестве символа победы Христа над смертью.

Если в ландшафте, изображаемом художником, есть несколько деревьев, то одно из них непременно будет пальма. Ангелы, покровительствующие Святому семейству в этом путешествии, присутствуют уже в ранних изображениях данного сюжета на римских мозаиках. Их можно видеть и у более поздних мастеров. Если кроме осла, на котором едет Дева Мария с младенцем, изображен еще и вол, то это означает, что художник намекает на тесную связь этого сюжета с историей рождения Христа, иными словами, дает понять, что бегство в Египет произошло вскоре по рождении Иисуса.

Часто изображается крушение египетских идолов при появлении младенца Иисуса. Число идолов (или демонов) может быть различным — от одного до четырех. Крушение идолов толкуется как осуществление пророчества Исаии: «Вот Господь восседит на облаке легком, и грядет в Египет. И потрясутся от лица Его идола Египетские...»

Александр Майкапар

НЕВЫДУМАННЫЕ ИСТОРИИ

Колыбельная Христу

Э то произошло в 1986 году в доме престарелых, где я тогда работала терапевтом. Жила там тогда на третьем этаже одна старушка... Что значит — «на третьем этаже», для вас, конечно, непонятно — разве это так важно, на каком именно этаже жил человек?.. А вот для сотрудников этого дома престарелых, а особенно — для его обитателей слова «третий этаж» имели вполне определенный, зловещий смысл. На третьем этаже было два отделения: одно — для лежачих и умирающих больных, другое — для больных с психическими нарушениями. Вход на третий этаж запирался на ключ. Поэтому даже не всякий работник дома престарелых мог попасть туда. О других больных или родственниках и говорить нечего. Если человек по той или иной причине попадал на третий этаж, он как бы уже исчезал из мира живых. Даже если и продолжал еще существовать где-то там, за закрытыми дверями третьего этажа...

Так вот, на этом самом третьем этаже жила старушка по фамилии Макаренко. К сожалению, я забыла, как ее звали. То ли Евдокией, то ли Параскевой. Зато хорошо помню прозвище, которым ее за глаза называли все сотрудники — Бандеровка.

В наш дом престарелых ее привезли из какого-то отдаленного лесопункта. Хотя родом она была не из наших, северных мест, а с Украины. Из родных у нее не было никого. А Бандеровкой ее прозвали вот по какой причине. При виде кого-либо в белом халате, она начинала испуганно, умоляюще лепетать:

— Я вкраинка. Я не бандэровка, ни, я вкраинка... Спасить мэнэ... Я робыты можу. Корову доиты можу, шиты можу, праты можу... Спасить мэнэ...

Для нее не существовало настоящего. Оставалось лишь страшное прошлое, о котором можно было только догадываться, в котором она жила и поныне. Она постоянно стремилась куда-то убежать, скрыться. Поэтому-то ее и поселили на третьем этаже. Впрочем, когда по недосмотру

медперсонала дверь на третий этаж оказывалась незапертой, она убегала и оттуда. Все ее побеги кончались одним и тем же — ее ловили где-нибудь в закутке под лестницей, или в парке возле дома, или даже в соседнем поселке и вдоворяли назад, на третий этаж. Под замок.

Ее заболевание было неизлечимо. И не было никакой надежды, что разум когда-нибудь вернется к ней.

В 1986 году, спустя несколько дней после новогоднего праздника, а именно 7 января, обитатели дома престарелых устроили в холле второго этажа, возле библиотеки, импровизированный концерт. И сейчас эта сцена стоит перед моими глазами. В холле собралось человек пятнадцать — двадцать стариков и старушек. Кто устроился в креслах, кто на откидных сиденьях; те же, кому не хватило мест, стояли, придерживаясь за спинки кресел или опершись о подоконник. В кресле с протертой зеленой обивкой сидел седой худощавый старик с орденскими планками на пиджаке и уже плохо слушающимися

пальцами играл на старинной гармошке со звонком и цветными мехами что-то веселое, плясовое. Поступавшим на житье в дом престарелых разрешалось взять с собой самое необходимое и ценное из вещей. Кто вез подушки, кто — пропахшие нафталином отрезки из заветного сундука. А этот вот старик привез с собой гармошку...

Возле старика — сгорбленная старушка в цветном платочке, из-под которого выбивались пряди седых волос, уперев руки в бока, притопывала ногами в фетровых бурочках. Наверное, казалось бедняге, что ей снова шестнадцать. И что несется она в вихревом танце. А за нею летит, развеваясь по ветру, ее густая темно-русая коса...

И вдруг откуда-то появилась та старушка — Бан-

деровка — с третьего этажа. Видимо, тамошние медсестры и санитарки все еще продолжали праздновать Новый год и поэтому оставили дверь незапертой... Когда старик кончил играть, она подошла к собравшимся и сказала, что хочет «заспаваты. Тому що сьогодні Риздво Христовэ». И, не дожидаясь ответа, запела дребезжащим, старческим, но чистым голоском какую-то песенку.

Сейчас я знаю, что это была не песенка, а украинская рождественская колядка. Обычно колядки веселые. А та колядка, которую пела старушка, была грустная. Пожалуй, даже трагическая. Это была колыбельная Богомладенцу Христу «Спи, Иисусе, спи...» И в ней Младенец Христос прозывался и Маленьким, и Лилэйком, и даже Сэрдэньком, — короче, всеми теми ласковыми словами, которыми темпераментные украинцы называют тех, кого любят больше всего на свете.

Мне сразу запомнились несколько строчек из этой колядки. Правда, вполне может быть, что я не совсем правильно их поняла, потому что я не знаю украинского языка. Но, если перевести их на русский язык, то смысл их, наверное, будет таким:

Не пытай, что вскоре будет —
Крест Тебе готовят люди...

Страшно, не правда ли? Ведь вот Он, этот беззащитный Младенец, это Лилейко, это Серденько, лежа в яслях, улыбается и доверчиво протягивает ручки к Деве Марии, Иосифу и всем, кого видит перед Собою. А злые люди уже ищут Его души, готовят Ему, безвинному, страшную, крестную смерть...

Колядка была довольно длинной. Но удивительно — никто не прервал пения старушки. Все молча стояли и слушали. Даже те, у кого в комнате на стене или на подо-

коннике красовалась открытка или газетная вырезка с портретом Ленина... Даже мы, медики, позабывшие в эту минуту о пройденном нами когда-то предмете под названием «научный атеизм»...

Старушка допела колядку, а потом молча, ни говоря никому ни слова, поклонилась всем в пояс и медленно пошла к лестнице, ведущей на третий этаж... После ее ухода веселье как-то сразу прекратилось. Все разошлись, думая каждый о чем-то своем.

Наступили выходные. Приехав в понедельник на работу, я узнала, что та старушка с третьего этажа умерла вечером в субботу. Таким образом, спетая ею за два дня до смерти колядка стала, как говорится, ее лебединой песней. Но странное дело. Эта женщина была, как говорим мы, медики, «дезориентирована во времени и в пространстве». Она жила страшными воспоминаниями своего прошлого. Однако в тот день она вела себя не как больная, а как здоровая. И сама, по доброй воле, вернулась на свой третий этаж, чтобы умереть там. И, самое главное, в тот день было Рождество Христово.

Мне вспоминается при этом одно стихотворение, которое мы когда-то проходили в школе. Даже учили наизусть. Это стихотворение Некрасова о пророке, которого Бог послал, чтобы «рабам земли напомнить о Христе». Думаю, что Господь на краткое время вернул разум этой старушке с третьего этажа, чтобы она напомнила нам, безумным «рабам земли» и греха, не знающим Бога, о самом главном. О том, что в этот день «нас ради и нашего ради спасения» родился Спаситель мира — Христос.

Монахиня Евфимия (Пащенко)
Литературный клуб «Омилия»

РУССКАЯ КУХНЯ

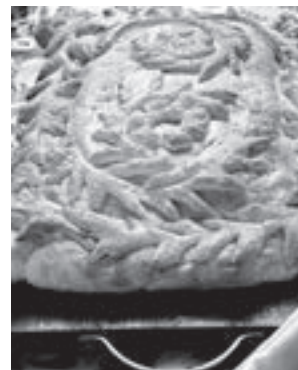
Кулебяка на четыре угла

Каких только пирогов и пирожков нет в русской кухне! Открытые, закрытые, решетчатые, круглые, трехи четырехугольные, с одним видом фарша и многослойные, свадебные курники, украшенные фигурками из теста, кулебяки, расстегаи, ватрушки, подовые (испеченные на поду в русской печи) и пряженые (жареные)... Перечислять можно без конца, тем более большинство связанных с выпечкой русских терминов, увы, практически забыто. Например, канули в вечность векошники — пироги, заправленные мясными и рыбными остатками (векошью), которые советует подавать к столу «Домострой» еще в середине XVI века. Практически забыт и «наливашник» — жареный треугольный пирожок из крутого теста, замешенного на растительном масле с начинкой (только в одном углу!) из сыра, яиц или варенья. Одним из таких забытых загадочных рецептов русских праздничных пирогов является кулебяка на четыре угла.

По сути кулебяка — это вид закрытого пирога, обычно удлиненной овальной формы. В России это блюдо жаловали все сословия.

Открыв «Мертвые души», мы найдем одно из самых сочных описаний такой кулебяки: «Да кулебяку сделай на четыре угла, — говорил он с присасываньем и забирая к себе дух. — В один угол положи ты мне щеки осетра да вязиги, в другой гречневой кашицы, да грибочков с луком, да молок сладких, да мозгов, да еще чего знаешь там этакого, какого-нибудь там того. Да чтобы она с одного боку, понимаешь, подрумьянилась бы, а с другого пусти ее полегче. Да исподкуто, пропеки ее так, чтобы всю ее прососало, проняло бы так, чтобы она вся, знаешь — не то, чтобы рассыпалась, а истаяла бы во рту как снег какой, так чтобы и не услышал...»

Главная загадка этого монолога — «четыре угла». Многие полагают, что начинку просто раскладывают по углам пирога, но ведь кулебяка-то очень часто овальная, нет у нее углов! Да и вкусно ли так будет — кому-то

достанется только каша, а кому-то одни грибочки? Дело в том, что такая царская кулебяка готовилась с четырьмя видами начинки, но укладывали ее послонно клинышками (углами) на всю ширину, разделяя тонкими блинчиками, чтобы тесто не отмокло от сочного фарша. Хитрость такого приема в том, что каждый кусок такой кулебяки (даже каждый укус) имеет разный вкус из-за разного соотношения фаршей в каждом разрезе (укусе). Поэтому тесто кулебяки — дрожжевое, сдобное, на опаре (минимум 40 г дрожжей на 1 кг теста) — должно быть после выпечки достаточно прочным (но не толстым), чтобы выдержать большой слой (или слои) начинки.

Начинки для кулебяки были самыми разнообразными: например, мясо и рис с рублеными яйцами и луком; капуста свежая, жаренная с крутыми яйцами, луком и грибами; каша гречневая с луком и красной рыбой; рис с луком и вареными яйцами; печенка куриная с маринованными огурчиками и сметаной и т. д.

Часто кулебякам придавали форму, связанную с начинкой: например, если пирог был со свининой и картофелем, то ему придавали облик поросенка — с пятчком, хвостиком и даже глазами из перчинок.

Предлагаем нашим читателям к праздничному столу сделать кулебяку с мясной, грибной, рыбной и гречневой начинками.

Для блинов: 1 яйцо, 1/2 ст. муки, чашка молока, 15 г сливочного масла, 1/2 ч. л. сахара, щепотка соли.

Для теста: 1 ч. л. соли, 5 г сухих дрожжей, 2 яйца, 2, 5 ст. л. сахара, 1 ст. муки высшего сорта, 50 г сливочного масла, 1, 5 ст. молока.

Для начинки: 200 г мясного фарша, 100 г шампиньонов, 50 г гречки, 300 г мороженого филе семги, несколько веточек свежей петрушки и зеленого лука, 1 луковица, 1 морковь, 1/2 ст. растительного масла.

ГОТОВИМ:

Сначала займемся блинчиками. Желток разбалтываем, солим, добавляем молоко, сахар, масло и муку. Когда тесто будет хорошо перемешано, кладем взбитый белок, еще раз перемешиваем. Выпекаем тоненькие блинчики с одной стороны на разогретом масле.

Теперь возьмемся за тесто. Муку просеиваем, всыпаем в миску, вбиваем яйца. Помешивая, струйкой вливаем молоко, кладем соль, сахар и дрожжи, снова перемешиваем. Добавляем масло и делаем не слишком крутое тесто. Тесто скатываем в шар, накрываем полотенцем и ставим в тепло на час. Когда тесто поднимется, обминаем его (2 - 3 раза).

Делаем начинку. Филе рыбы обжариваем (можно использовать готовый лосось в собственном соку), разминаем, смешиваем с нарезанным зеленым луком и петрушкой. Шампиньоны чистим, нарезаем и жарим с измельченной половинкой луковицы 5 — 7 минут. Гречку отвариваем в соленой воде и пассеруем в масле вместе с тертой морковкой 2 — 3 мин. Мясной фарш обжариваем до готовности с 1/2 луковицы. Для сочности во все виды начинки можно добавить немного бульона или сметаны. Во все начинки добавляем соль и, чтобы фарш лучше «схватился», по 1/2 желтка.

Формируем кулебяку. Делим тесто на 2 части. Один кусок раскатываем толщиной 1 см, выкладываем на смазанный маслом противень. На тесто выкладываем слой рыбы в виде скошенной горки, на него стелим блин. На блин — слой гречневой начинки. И накрываем вторым блином. Выкладываем грибы и опять прослаиваем блином. Сверху кладем мясной фарш. Второй кусок теста раскатываем, накрываем им гору из начинок и плотно защипываем «косичкой», смазываем меланжем (взбитым яйцом). Делаем проколы вилкой сверху и по бокам. Даем кулебяке расстояться. Выпекаем при 180°С около 40 мин.

Готовую кулебяку накрыть сухим полотенцем и слегка сбрызнуть водой. Дать постоять 5—7 мин. Кулебяку, как правило, подают порезанной на куски и политой топленым маслом в качестве самостоятельного блюда и к бульонам.

ДЕТСКАЯ СТРАНИЧКА

СЕЛЬМА ЛАГЕРЛЕФ

Видение императора

Э то случилось в то время, когда Август был императором в Риме, а Ирод — царем в Иудее.

И вот однажды на землю спустилась великая и святая ночь. Такой темной ночи никто еще никогда не видел. Невозможно было отличить воду от суши; и даже на самой знакомой дороге нельзя было не заблудиться. Да иначе

и быть не могло, ведь с неба не падало ни одного лучика. Все звезды оставались дома, в своих жилищах, и ласковая луна не показывала своего лика.

И столь же глубокими, как мрак, были безмолвие и тишина этой ночи. Реки остановились в своем течении, не ощущалось ни малейшего дуновения ветерка, листья осины перестали дрожать. Морские волны не бились больше о берег, а песок пустыни не хрустел под ногами у путника. Все окаменело, все стало недвижимо, чтобы не нарушать тишины святой ночи. Трава приостановила свой рост,

роса не пала, цветы не источали свой аромат.

В эту ночь хищные звери не вышли на охоту, змеи затаились в своих гнездах, собаки не лаяли. Но самое чудесное заключалось в том, что и неодушевленные предметы хранили святость этой ночи, не желая содействовать злу: отмычки не отпирали замков, нож не мог пролить чью-то кровь.

В эту самую ночь несколько людей вышли из императорского дворца на Палатинском холме в Риме и направились через Форум к Капитолию. Незадолго перед тем, на закате дня, сенаторы спросили императора, не возражает ли он против их намерения воздвигнуть ему храм на священной горе Рима. Но Август не сразу дал свое согласие. Он не знал, будет ли угодно богам, если рядом с их храмом будет висеть храм, сооруженный в его честь, и потому решил принести жертву своему духу-покровителю, чтобы узнать волю богов. Теперь в сопровождении нескольких приближенных он и отправился совершить это жертвоприношение.

Августа несли на носилках, потому что он был стар и подняться по высоким лестницам Капитолия уже не смог бы. В руках он держал клетку с голубями, которых намеревался принести в жертву. С ним не было ни жрецов, ни солдат, ни сенаторов; его окружали только самые близкие друзья. Факельщики шли впереди, как бы прокладывая путь среди ночного мрака, а сзади следовали рабы, несшие алтарь-треножник, ножи, священный огонь и все, что требовалось для жертвоприношения.

Император весело беседовал дорогой со своими приближенными, и потому никто из них не заметил беспредельного безмолвия и тишины ночи. Только когда они поднялись к Капитолию и достигли места, предназначенного для сооружения храма, им стало ясно, что происходит нечто необычайное.

Эта ночь, несомненно, была не похожа на все другие ночи еще и потому, что на краю скалы император и его свита увидели какое-то странное существо. Сначала они приняли его за старый, искривленный ствол оливкового дерева, затем им показалось, что на скалу вышло древнее каменное изваяние из храма Юпитера. Наконец они поняли, что это была старая Сибилла.

Никогда еще им не приходилось видеть такого старого, побуревшего от непогоды и времени, гигантского существа. Эта старуха наводила ужас. Не будь здесь императора, все бы разбежалось по домам и попрятались в свои постели.

— Это та, — шептали они друг другу, — которой столько же лет, сколько песчинок на берегу ее отчизны. Зачем вышла она именно в эту ночь из своей пещеры? Что предвещает императору и империи эта женщина, выводящая свои пророчества на листьях деревьев, чтобы

ветер затем отнес их по назначению?

Страх перед Сибиллой был так велик, что, сделай она хоть малейшее движение, люди тотчас же пали бы ниц и приникли челою к земле. Но она сидела неподвижно, как изваяние. Согнувшись на самом краю скалы и полуприкрыв глаза руками, всматривалась она в ночную тьму. Казалось, она взобралась на холм, чтобы лучше рассмотреть нечто, происходящее бесконечно далеко. Значит, она могла что-то видеть даже в такую темную ночь!

Только теперь император и вся его свита заметили, как густ был ночной мрак. Ничего не было видно даже на расстоянии вытянутой руки. И какая тишина, какое безмолвие! Даже глухой рокот Тибра не долетал до их слуха. Они задыхались от неподвижного воздуха, холодный пот выступил у них на лбу, руки оцепенели и висели бессильно. Они чувствовали, что должно совершиться нечто ужасное. Однако никто из свиты не хотел обнаружить своего страха, все говорили императору, что это счастливое знамение: вся вселенная затаила дыхание, чтобы поклониться новому богу.

Они убеждали Августа поспешить с жертвоприношением.

— Возможно, что древняя Сибилла, — говорили они, — для того и покинула свою пещеру, чтобы приветствовать императора.

В действительности же внимание Сибиллы было поглощено совсем другим. Не замечая ни Августа, ни его свиты, она мысленно перенеслась в далекую страну. И чудилось ей, будто бредет она по обширной равнине. В темноте натывается она на какие-то кочки. Но нет, это не кочки, а овцы. Она блуждает среди огромного стада спящих овец. Вот она заметила костер. Он горит среди поля, и она пробирается к нему. Возле костра спят пастухи, а подле них лежат длинные, заостренные посохи, которыми они обычно защищают стадо от хищных зверей. Но что это? Сибилла видит, как стайка шакалов тихонько подкрадывается к огню. А между тем пастухи не защищают свое стадо, собаки продолжают

мирно спать, овцы не разбегаются, и шакалы спокойно ложатся рядом с людьми.

Вот какую странную картину наблюдала сейчас Сибилла, но ничего не знала она о том, что происходит позади нее, на вершине горы. Она не знала, что там воздвигли жертвенник, развели огонь, насыпали курения и император вынул из клетки одного голубя, чтобы принести его в жертву. Но руки его вдруг так ослабели, что не могли удержать птицу. Одним легким взмахом крыльев голубь вырвался на свободу и, высоко взлетев, исчез в ночной тьме.

Когда это случилось, царедворцы подозрительно взглянули на древнюю Сибиллу. Они подумали, что

это она все подстроила.

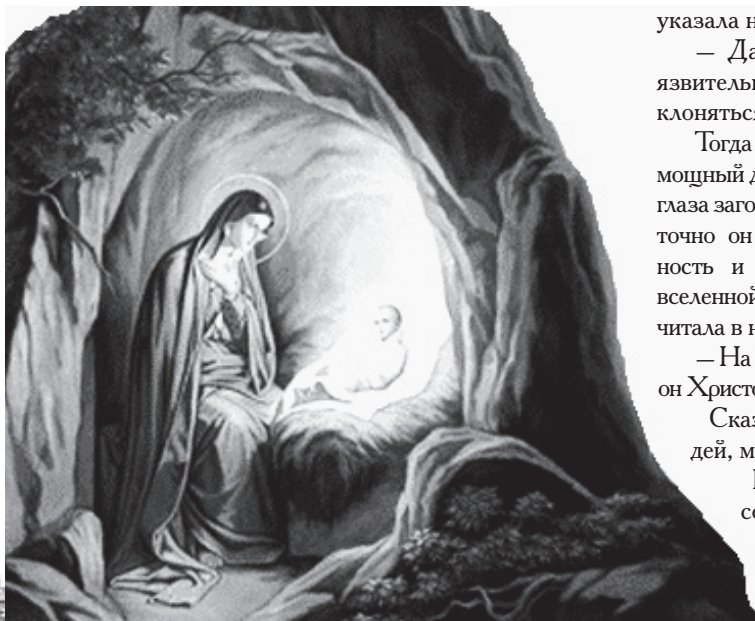
Могли ли они знать, что Сибилле по-прежнему чудилось, будто она стоит у костра пастухов и прислушивается к нежной музыке, тихо звучащей среди безмолвной ночи? Сибилла услышала ее задолго до того, когда наконец поняла, что музыка доносится не с земли, а с неба. Она подняла голову и увидела, как по небу скользят светлые, лучезарные создания. Это были небольшие хоры ангелов. Казалось, они что-то ищут, тихонько напевая свои сладкозвучные гимны.

Пока Сибилла внимала ангельским песням, император снова готовился принести жертву. Он омыл руки, вычистил жертвенник и велел подать другого голубя. Но хотя на этот раз он изо всех сил старался удержать птицу, гладкое тельце выскользнуло из его руки, и голубь взвился к небу и скрылся в непроглядном мраке.

Императора охватил ужас. Он пал на колени перед пустым жертвенником и стал молиться своему духопокровителю. Он просил его отвратить бедствия, которые, видимо, предвещала эта ночь.

Но и это прошло для Сибиллы незамеченным. Она вся была поглощена пением ангелов, которое становилось все сильнее и сильнее. Наконец оно стало таким громким, что разбудило пастухов. Приподнявшись, глядели они, как светозарные сонмы серебристых ангелов длинными, трепетными вереницами, подобно перелетным птицам, прорезали ночную тьму. У одних в руках были лютни и гусли, у других цитры и арфы, и пение их звенело так же радостно, как детский смех, и так же беспечно, как щебетание жаворонков. Услышав это, пастухи встали и поспешили в город, где они жили, чтобы рассказать там об этом чуде.

Пастухи взбирались по тесной, извилистой тропинке, и древняя Сибилла следила за ними. Внезапно гора озарилась светом. Как раз над нею зажглась большая, яркая звезда, и, как серебро, заблестал в ее сиянии городок на вершин горы. Все сонмы носившихся в воздухе ангелов устремились туда с ликующими кликами, и пастухи ускорили шаги, так что уже почти бежали. Достигнув города, они увидели, что ангелы собрались над низкими яслями близ городских ворот. Это было жалкое строение с соло-

менной крышей, прилепившееся к скале. Над ним-то и сияла звезда, и сюда стекалось все больше и больше ангелов. Одни садились на соломенную кровлю или опускались на отвесную скалу за ним; другие, раскинув крылья, реяли в воздухе. И от их лучезарных крыльев весь воздух светился ярким светом.

В тот самый миг, как над городком зажглась звезда, вся природа пробудилась, и люди, стоявшие на высотах Капитолия, не могли не заметить этого. Они почувствовали, как свежий, ласкающий ветерок пронесся в воздухе, как потоки благоуханий разлились вокруг них. Деревья зашелестели, Тибр зарокотал, засияли звезды, и луна поднялась внезапно на небе и осветила мир. А с облаков вспорхнули два голубя и сели на плечи императору.

Когда произошло это чудо, Август поднялся в горделивой радости, друзья же его и рабы бросились на колени.

— Да здравствует Цезарь! — воскликнули они. — Твой дух ответил тебе. Ты тот бог, которому будут поклоняться на высотах Капитолия.

И восторженные крики, которыми свита славил императора, были такими громкими, что дошли наконец до слуха старой Сибиллы и отвлекли ее от видений. Она поднялась со своего места на краю скалы и направилась к людям. Казалось, темная туча поднялась из бездны и понеслась на горную вершину. Сибилла была ужасна в своей старости: спутанные волосы висели вокруг ее головы жидкими космами, суставы рук и ног были вздуты, потемневшая кожа, покрывавшая тело неисчислимыми морщинами, напоминала древесную кору.

Могучая и грозная, подошла она к императору. Одной рукой она коснулась его плеча, другой указала ему на далекий восток.

— Взгляни! — повелела она, и император последовал ее приказу.

Пространство открылось перед его взором, и они проникли в дальнюю восточную страну. И он увидел убогий хлев под крутым утесом и в открытых дверях несколько коленопреклоненных пастухов. В пещере же увидел он юную мать, стоящую на коленях перед новорожденным младенцем, который лежал на связке соломы на полу.

И своими большими, узловатыми пальцами Сибилла указала на этого бедного младенца.

— Да здравствует Цезарь!! — воскликнула она с язвительным смехом. — Вот тот Бог, которому будут поклоняться на высотах Капитолия!

Тогда Август отшатнулся от нее, как от безумной. Но мощный дух предвидения снизошел на Сибиллу. Ее тусклые глаза загорелись, руки простерлись к небу, голос изменился, точно он принадлежал не ей; в нем появилась такая звучность и сила, что его можно было бы слышать по всей вселенной. И она произнесла слова, которые, казалось, прочитала в небесах:

— На Капитолии будут поклоняться обновителю мира, будь он Христом или Антихристом, но не рожденным из праха.

Сказав это, она прошла мимо пораженных ужасом людей, медленно спустилась с вершины горы и исчезла.

На следующий день Август строго запретил сооружать ему памятник на Капитолии. Взамен его он воздвиг там святилище в честь новорожденного Бога-младенца и назвал его Алтарь Неба — Ara coelli.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ПОВЕСТВОВАНИЕ

Валентин Зайцев

 В Сан-Франциско ещё вчера,
а в Тобольске уже завтра

Продолжение. Начало № 10, 11

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

И была деревня: «Барнаульский завод»

4

Дуня с Иисусовой молитвой на устах несмело направилась мимо пушек к казармам. Перекрестилась и вошла в крайнюю. Вахтенный, увидя перед собой девушку, оробел — даже забыл вытянуться во фронт. Дуня выложила ему свою нужду. Он лупогазо смотрел на неё и молчал. «Язык проглатили, что ли?» — спросила она, хотя знала, женщины никогда не появляются в солдатских казармах считается дурным тоном, вот и удивило так вахтенного её появление. Но от насмешливого вопроса девушки, произнесённого строго, у солдата язык вернулся на место, гаркнул: «Не изволим знать-с!» — «Вы его видели в последнюю неделю?» — «Никак нет-с! В плавильнях может-с он-с...»

Дуня направилась к мрачным строениям, окутанным смрадным дымом. Эти строения хотя и пугали её всегда, но в то же время тянуло заглянуть внутрь, перекрестить внутренности земного ада, чтоб от Божиего креста вокруг всё ещё пуце зашумело, запыхтело, оскалилось и... исчезло. Вошла в полуоткрытые ворота. Огляделась. В сизом чаду будто молния сблескивала... Чёрные фигуры мелькали как тени: что-то носили, что-то высыпали, поднимая клубы вонючей гари, выворачивали губы у печей, и там, в их утробе Дуня видела спящее огненное месиво... И захотелось ей всё это перекрестить, чтоб исчезло, но удержалась: ведь тут, возможно, её суженый. Остановила первую попавшуюся тёмную фигуру и, пересиливая грохот, прокричала ему в ухо все свои тревоги. В ответ услышала скрипучее: «А вона унтер». Она к унтеру. Перед ним не стала откровенничать, а просто спросила, не знает ли он, где подпоручик Кандрашов. Унтер, сверкнув белками

глаз на совершенно чёрном от сажи лице, прокричал тоже ей в ухо: «Меня на его место, а где он сам, не знаю. В канцелярии узнайте».

Дуня словно вынырнула из густоты сизого смрада на белый, солнечный свет. Трепетнуло сердце: «Так вот какая работа у Иакова Алексеича! Бедненький!»

Пошла в канцелярию, которую все боялись. А там всё столы... столы..., а за столами всё писари да каждый унтер-офицерского звания. К кому обращаться? Насмелилась и поспрашивала: кто поглавней. Подошла к самому берггешворену. Опять разоткровенничалась. Берггешворен на ломанном русском языке не то спросил, не то подсказал: «А не в узах ли ваш суженый?»

И пошла Дуня обходить смирительные заведения: гауптвахту, тюрьму, исправительные казармы, побывала в обеих острогах, наполненных мастеровыми. Даже заглянула на всякий случай в провиантские склады и на пороховые погреба. Боясь навредить Иакову Алексеичу, она, рассказывая о своей беде, умалчивала о его попытке увезти её тайно от родителей. Никто ей ничем не помог, и только квартальный надзиратель предположительно подсказал: «Может, болеет». И она ухватилась за эту мысль: «Ну, конечно же, болеет! Как же мне сразу-то не пришло в голову?! Работники моего батюшки, наверное, так умолотили его, что подняться не в силах. Может, ему — бедненькому даже воды некому подать...»

Дуня быстро зашагала на Петро-Павловскую улицу. Там жили горные офицеры. Среди партикулярных домов нашла нужный. Взволнованный пожилой денщик

Иакова Алексеича сразу огорчил: «Неведомо уде... — Внимательно всмотрелся в неё. — А вы кто-сь ему, барышня? Уж не сама ли Евдокея Ермевна?»

Она кивнула, нисколько не удивившись, что он назвал её имя; а лишь только радость нашла на сердце: значит, и верно, не на последнем месте у него.

— Евдокея Ермевна!.. Матушка! — обрадовался денщик, продолжая с любопытством разглядывать её. — Вы такаясь, как и сказывал барин!

— Не надо меня... Не до того... Хоть бы весточку послал.

— Калды вам не доложился, талды — неладно-ть.

Дуня, ссутулившись, направилась было уходить, денщик остановил:

— Погоди, барышня, я вас угошшу заморской едой. — Он вынес ей артишоки, научил, как их употреблять. — Молитесь, милая: если барин жив-здрав, в рошу прийдет. Скажу вам по большому секрету: вы для него стали милей павильни.

— Да уж... Есть чем гордиться.

Шла Дуня от денщика, и размышления придавали ей решимости: «Кто другому может помочь? Кто ему в душу войдёт? Сам себе человек помогай...» И будто что осенило её. Зашла в Петро-Павловский собор и принялась обходить с молитвами святые лики, прося помощи. И хотя молитвы и просьбы, казалось ей, даже не отлеплялись

от губ, укрепилось осознание: да-да, никто не сможет утешить её в ходатайстве перед Богом, как Сам Бог. Хотела было выйти, но поняла: за стенами собора всё стало вдруг чуждым. Светский мир без Иакова Алексеича больше не для неё. Она присела на скамью и долго-долго сидела, вслушиваясь в тишину гулкого собора. В конце-концов встала, огляделась: в соборе было безлюдно, и она крикнула: «Господи! Уповаю на Тебя!» Гул от её голоса пронёсся под сводами соборного купола громоподобно. Из алтаря выглянул настоятель Иоанн Пеунов, кивнул ей, словно бы поклонился, и снова исчез в алтаре.

А она смущённая, заторопилась к выходу.

Спускаясь по ступенькам паперти, говорила будто не в себе: «Эти ступени, озарённые колоколом, ждут твоих шагов... Господи, что это я?».

Ощущение отчуждённости от мира вызвало желание искать своего суженого в казённых заведениях.

С этого дня у ней было всего две дороги: в храм и в

рошу. От нехороших предчувствий уныние нападало на неё такое, что не могла найти себе места. Иногда, сидя на поваленном дереве, вспоминала их прежние духовные разговоры, от которых на душе становилось ещё муторнее. Безбожные реплики Иакова Алексеича словно копьём пронзали душу, да так и осталось железом где-то внутри. Встала лицом к собору, прокричала надрывно: «Господи! Вразуми Иакова Алексеича!». Поозиралась: не слышал ли кто? И убедившись, что поблизости никого, долго молилась, прося Бога призвать исчезнувшего друга к вере православной, христианской; а через веру соединить их в узы супружества.

Выплеснув просьбы к Богу, она снова впала в уныние. Это состояние сковало её. Сознание мутилось. И она вторично увидела Иакова Алексеича. Стоит меж деревьев и ничего не говорит. Бросилась к нему, а там опять никого. Остановилась оторопело и так стояла неподвижно долго, ожидая, не появится ли вновь. Обессилив от видения, побрела домой как сомнамбула, и будто кто-то говорил ей: «Если это душа его приходит, совсем плохо. Значит, нет в живых. Надо бросить бесплодные ожидания здесь... Если он живой, то сам найдёт».

Наполненная тревогой пришла к отцу. С болью вырвалось из груди: «Скажи хотя бы одно слово: жив, не жив?» Отец смотрел на неё, как бык из-под ярма. «Уйди! — буркнул. — Не будешь больше таскаться

за ним... Уйди, говорю!» Дуня стояла неподвижно. Еремей Савельич сторбился и сам вышел.

Сказать бы ему: ты убивец! Но даже намёком назвать отца таким словом не хватало духа. Это для неё было невыносимо. Несколько дней в оцепенении сидела дома. Пробовала приласкаться с расспросами к матери, но только больше расстроилась. «Я знаю решимость Еремея Савельича пойти на всё ради твоего благополучия, — отвечала мать. — Так что возьми себя в руки и постарайся забыть об этом офицере. А жив он или нет, не знаю. Еремея Савельича бесполезно пытаться. Лишь только озлобится. И всё молится, молится... Чего замаливает?.. Если даже он лишил его жизни, не будем вмешиваться. Каторгу устроил сам себе пожизненную. И нам не легче будет с ним».

Намучившись неизвестностью, опять пришла к отцу с тем же вопросом: «Только одно слово, батюшка! Иначе со мной будет плохо». Отец внимательно посмотрел на неё и на этот раз осерчал не очень: «Для тебя он

Г. Михайлов
«Девушка, ставящая свечу перед образом», 1842 г.

умер в тот день, когда разбойным путём увозил от нас». — «Для меня... умер. — Сердце её захолонуло. — А для... других?» — «Пусть мёртвые хоронят своих мертвецов», — повторил он слова Иисуса Христа. — «Я бы смогла его оживить». — «Как?» — вскинул он на неё глаза исподлобья. «С Божией помощью». — «Вот и молись за него в соборе». — «О здравии или о упокоении?» — осторожно, но настойчиво выведывала она. «Ты меня самого скоро в гроб загонишь».

Уклончивые ответы отца легли тяжким бременем на душу Дуни. Однако и они же вызвали непонятную надежду. На следующий день её опять потянуло в рощу.

... Ходила Дуня туда ежедневно до самой зимы. Но и зимой жители деревни «Барнаульский завод» не единожды видели, как, утопая в снегу, блуждает она среди деревьев; слышали, как зовёт Иакова Алексеича, — причём голос какой-то неестественный, русалочий. По деревне поползли слухи: «Дочка-то Еремея Савельича помешалась». Слухи дошли до её отца. Кликнул своего работника Порфирия, другого работника — Матвея, поехал с ними в рощу.

Странное зрелище увидели они.

Возле кустов снег был тщательно расчищен. На обнажённой, стылой черноте лежала Дуня, приложив ухо к земле.

— Не слышу, — громко шептала она. — Я покой твой не нарушу криком. Скажи хоть словечко. Молчание твоё пугает меня.

— Что ты тут делаешь, дочка? — спросил Еремей Савельич.

Дуня вздрогнула, вскочила. Еремей Савельич взял её за руку.

— Поедем домой.

Она вырвалась и побежала, утопая в снегу. Едва поймали. Извивалась в крепких руках, кусалась... Схватила Порфирия и Матвея за бороды, да так, что те заорали по-медвежьи на всю рощу. А Дуня вырвалась и опять бежать. Поймали и на этот раз сразу связали её кушаками, повезли. До самого дома билась она, кричала:

— Ой-ой! Земля проваливается, мёртвые везде... Тишина пустых орбит... — Вот так всю дорогу подобные непонятные выкрики. — Однакось, тово — ентово... — проговорил Матвей. — Ково-то тово... Не ентово тово, — повертел Порфирий перед собой пальцами.

— Вы что несёте?! — рассердился Еремей Савельич. — С ума все посходили, что ли? Держите осторожнее, как бы не повредить чево..., тово самово сево... Тьфу ты, зараза!.. Осторожно, говорю! У неё косточки ещё хрупкие.

Дома Дуню развязали. Некоторое время она сидела на лавке неподвижно, дико глядя в отцовское онемелое лицо. Вскинула руки к небу, и зов её русалочий вспугнул потаённые отцовские слёзы: «Очистительный огонь... В тайник души проникла плесень... Сожжёт теплыхладных. Я уже вижу, вижу!» — «Чего ты видишь, дочка?» — спросил совсем оробевший Еремей Савельич. А Дуня схватила топор, кинулась на отца. Он отскочил к двери, споткнулся, покатылся вниз, пересчитывая ступеньки.

Она с топором следом. Скрылась в сарае. Безумная приналась рубить дверь. Порфирий и Матвей криками

отвлекли её на себя, и сами скорей убежать. Она за ними. Едва успели влезть на сарай. Стояли на крыше, смотрели, как она бежит с топором. Набегавшись, села на крыльцо...

Работники слезли с сарая, подкралась к ней и выхватили топор. Опять связали и унесли бьющуюся в светёлку. Вбили в пол скобу и к ней привязали обезумевшую. Вошёл отец. Она посмотрела на него дико, но даже не шевельнулась. Вошла мать, заплаканная. Увидев дочь сидевшую на полу как-то по кошачьи, разрыдалась.

— Зажги-ка, Глафира Никитична, лампадку перед Пантелеймоном, — сказал ей Еремей Савельич. — А я пошлю за лекарем.

Привезли лекаря. Он осмотрел девушку, попытался поговорить с ней и определил тяжёлую форму безумия: «Бывает тихое умопомешательство, — сказал лекарь. — А бывает буйное. Вот у неё буйное». И опять поползла по деревне молва: «У дочки-то Савельича дохтур буйное определил». По этому поводу у жителей деревни произошло волнение. Пришлось несчастному отцу с квартальным надзирателем говорить. И квартальный надзиратель всем волнующимся толково разъяснял примерно так: «Она хоша и буйная, но от неё никакого не видать беспокойства. А потому, что сказать? Богом убитая, и стало быть за грехи. Но мы её не осуждаем. С дураков какой спрос? Богу ведомо, и ладно». Еремей Савельич строго на строго наказал Порфирию и Матвею не спускать с неё глаз.

Утром, чуть свет, караульщики спохватились: однакось после лекаря забыли подпереть дверь? Побежали на второй этаж. И верно, дверь полая. На скобе обрывок верёвки. «Перегрызла — зубки-то молодые, крепкие». Кинулись к хозяину: «Хошь казни, хошь милуй. Убёгла». Осмотрели все постройки двора. Вскочили на коней и до самой рощи гнали их галопом. И не зря. Дуня свила из верёвки петлю, привязала к толстому суку сосны и уже просунула голову.

По деревне в последнее время только и разговоров, что о Дуне. А в тот день, вообще, ни о чём другом думать не могли, как о случившемся в роще. «Девку-то Еремея Савельича, страх-то какой! из петли вытащили... Да живая вроде». — «Всё равно теперь жутко будет проходить Дунькину рощу». (Так зарождалось это название) «Умалешённая, а сунуть голову в петлю ума хватило». — «Да разве она сама? Бесы сунули. Они ведь, знаешь, как ефто дело любят? В Белоярской крепости Васька Речкунов решил над ними подшутить. Пошёл в лес давиться. Токмо вместо своей головы сунул в петлю вилок капусты. Какой крик, говорит, подняли. Захлёбываются от радости: «Наш, наш!» Так плясали да катались, что всю траву вокруг берёзы той примяли. Васька показывал место. Трава по пояс, а вокруг будто конь валялся к дождю». — «Знаю того Ваську. Он и соврёт, не много возьмёт». — «Да как Господь попускает этой нечисти христианскую душу спортить? Дуню-то постоянно в храме замечал». — «Нам не дано знать Божьей воли. Попустил, но не дал для чего-то нечистой силе нарадоваться всласть».

Продолжение следует

СВЕЧА

А. Фет

Ночь тиха. По тверди зыбкой
Звезды южные дрожат.
Очи Матери с улыбкой
В ясли тихие глядят.

Ясли тихо светят взору,
Озарен Марии лик.
Звездный хор к иному хору
Слухом трепетным приник, —

И над Ним горит высоко
Та звезда далеких стран:
С ней несут цари Востока
Злато, смирну и ливан.

1842

Духовно-просветительская газета

Зарегистрирована Западно-Сибирским управлением Госкомпечати. Регистрационное свидетельство № Г-1453.
Учредитель: Александрo-Невский собор города Барнаула, настоятель протоиерей Александр Войтович.
Редактор: протоиерей Сергей Фисун. Верстка: Наталья Мутовкина
Адрес редакции и издателя: 656054, г. Барнаул, ул. А.Петрова, 221. Тел. 40-28-81.
E-mail: vestnik@ab.ru Подписной индекс 73652. Тираж 1500 экз. Сдано в печать 27.12.10. Выход по графику 30.12.10
Отпечатано в типографии "ПринтЭкспресс", г. Барнаул, ул. Кирова, 47. Цена свободная.